

ФУНКЦИИ КУЛЬТУРНО-КОННОТИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В РАССКАЗЕ В. ПЕЛЕВИНА «ДЕВЯТЫЙ СОН ВЕРЫ ПАВЛОВНЫ» (НА ФОНЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПЕРЕВОДА)

В. В. Скворцова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Систематизированы и проанализированы единицы культурно-коннотированной лексики (ККЛ) и их функции в рассказе Виктора Пелевина «Девятый сон Веры Павловны», исследованы особенности их интерпретации в англоязычном переводе текста, учтены результаты опроса читателей перевода и рассмотрены методологические основы разработки пособия с комментарием ККЛ в прозе Пелевина для иностранцев, изучающих русский язык.

Ключевые слова: *реалии, культурная коннотация, РКЛ, перевод, Пелевин.*

Популярность произведений Пелевина среди иностранной аудитории растет с количеством новых издаваемых им рассказов и романов. В данный момент Виктор Пелевин — один из обязательных к прочтению авторов в курсе русской литературы XX в. в американских колледжах. Пик творчества Виктора Пелевина пришелся на 1990-е гг. — время, когда нормы языка менялись вместе с жизнью людей. «Язык Пелевина получает в критике самые противоречивые определения: буриметический (И. Некрасов и С. Золотов), эклектический, русско-английский, современный новояз, въедливое арго, лоскутное одеяло (И. Долин), винегрет, волапюк (А. Немзер) и т. д.» [10]. Некоторые исследователи не причисляют произведения Пелевина к художественной литературе: М. Новикову язык писателя кажется «стертым, безвкусным, “всехним”» [12], Л. Рубинштейн резко заявляет: «Язык? Язык с точки зрения адептов “качественной” прозы — никакой» [15]. Существует и противоположное мнение: А. Антонов и И. Роднянская, например, считают повседневное «кичевое» слово Пелевина специфически авторским и самобытным приемом. А. Антонов [1] по аналогии с «новоязом» Оруэлла вводит свой термин для характеристики языка Пелевина, фиксируя новое речевое явление — «внуяз» («внутренний язык»). И. Роднянская [14] также изобретает новый термин для языка Пелевина — «язык яппи» (от англ. Yurpie — акроним к Young Urban Professional Person или Young, Upwardly-mobile Professional). «Язык яппи» — язык, на котором говорят молодые люди, увлеченные построением профессиональной карьеры, знакомые с компьютерными терминами и реалиями Интернета.

И хотя литературные критики и ученые часто обращаются к прозе Пелевина, только треть всех на-

учных исследований его творчества рассматривают его тексты в лингвистическом ракурсе [20]. Также ускользает из поля зрения исследователей творческое использование Пелевиным большого количества культурных и исторических отсылок, которые задействованы в деконструкции автором советского мифа на всех уровнях поэтики его текстов, и прежде всего на лексическом. Деконструкция социетального образа мира, «переворачивание» семантики сакрального («верха»), и профанного («низа»), касающаяся преимущественно советских символов, сталкивание концептов с противоположной оценочной (ценностной) семантикой, порождающее абсурдные ситуации, а также гротеск, преувеличенное фокусирование на маргинальных, исключительных явлениях — основные литературные приемы Пелевина.

Тактика Пелевина состоит в том, что, используя слова с национально-историческим компонентом, например советские реалии, автор не дает конкретного комментария каждой единицы, рассчитывая на то, что рожденный в СССР читатель знаком с ними. Мы же в целях исследования встали на точку зрения иностранцев, а также представителей нового поколения россиян, которые незнакомы с реалиями советской эпохи.

Культурно-коннотированная лексика как объект лингвокультурологических и переводоведческих исследований

Слова с национально-историческим компонентом являются объектом исследования многих ученых, однако для обозначения данных лексических единиц наблюдается отсутствие четкости в терминологии, используемой переводчиками и теоретиками перевода, лингвистами и лингвострановедами.

А. Д. Швейцер, В. Н. Комиссаров, Н. Н. Миронова, Л. Л. Нелюбин, Б. И. Репин, А. В. Синявский, А. Ф. Ширяев и многие другие ученые освещали в своих трудах проблему определения соответствующего термина.

Для номинации единиц культурно-коннотированной лексики переводчики и переводоведы Л. Н. Соболев, В. М. Россельс, М. Л. Вайсбурд, Л. С. Бархударов оперируют термином «реалия», Г. В. Чернов, А. В. Фёдоров и многие другие используют термин «безэквивалентная лексика». А. Е. Супрун вводит понятия «фоновые» и «коннотативные» слова, «экзотизмы», Л. А. Шейман называет слова с культурным компонентом «этнолексемами», В. П. Берков — «алиенизмами». Филологи И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг; С. И. Титкова и И. В. Ружицкий используют такие термины, как «пробелы», «лакуны» и «культурные лакуны».

В 2016 г. нами был предложен термин «культурно-коннотированная лексика» (ККЛ) [18. С. 85—96], эксплицитная внутренняя форма которого указывает на функции, выполняемые данными единицами. В понятие культурно-коннотированной лексики входят прежде всего слова с культурно-историческим компонентом, семантика которых отражает своеобразие культуры конкретного народа, страны [4] и связь с временным историческим отрезком. Помимо этого, в сознании носителей языка единицы ККЛ обладают устойчивой связью с обозначаемыми ими объектами, называемой коннотацией [2]. Учитывая все эти свойства культурно-коннотированной лексики в нашем исследовании, мы провели ее анализ в рассказе В. Пелевина и разработали классификацию ККЛ единиц.

Классификация культурно-коннотированной лексики в рассказе В. Пелевина «Девятый сон Веры Павловны»

Опираясь на классификацию национально-исторической лексики, выполненную С. Влаховым и С. Флориным, и с учетом результатов сопоставительного анализа оригинала и перевода произведения (движение «от текста» [3; 19]) мы структурировали культурно-коннотированную лексику в рассказе В. Пелевина «Девятый сон Веры Павловны». Помимо этого, большую помощь в построении данной таксономии оказало погружение в контекст эпохи СССР 1970—90-х гг., исследование исторических и энциклопедических данных, мемуаров, форумов и опросов современников того времени.

Изначально, работая с рассказом «СПИ», мы разделили единицы ККЛ на следующие группы: советские реалии; упоминания известных людей, значимых исторических событий; фреймы-сценарии; метафоры и сравнительные обороты с национально-культурным фоновым компонентом; прецедентные тексты. Данная классификация может быть применима для всех единиц ККЛ в рассказах В. Пелевина, включая «Девятый сон Веры Павловны», и шире.

1. Советские реалии

Используя термин С. Влахова и С. Флорина, под реалией мы понимаем «предмет, понятие, явление, характерное для истории, культуры, быта, уклада советского народа, нашей страны, не встречающееся у других народов» [5]. Советские реалии в рассказе — группа, насчитывающая самое большое количество единиц культурно-коннотированной лексики: *портвейн, кооператив, Беломоро-Балтийский канал, Елисейевский магазин, лейтенант НКВД* и др.

Например, в связи с антиалкогольной кампанией в стране, направленной на ограничение продажи и употребления спиртных напитков (времена сухого закона), алкоголь занимает у Пелевина огромное место в формировании образа советской эпохи¹. И самым популярным напитком того времени был упомянутый в тексте рассказа *портвейн*. Как писал Андрей Макаревич, «портвейн, он же портешок, он же партийное вино, он же красненькое, он же чернила, он же бормотуха, в семидесятые годы прошлого тысячелетия к общечеловеческому напитку под названием “Портвейн” никакого отношения не имел» [9]. Это были дешевые виды портвейна и вермута, а также дешевые плодово-ягодные вина.

2. Упоминания известных людей, значимых исторических событий

В исследуемом тексте встречаются отсылки к эпохе посредством упоминания не только о предметах и явлениях, но и о людях, видных деятелях и значимых событиях (*Блаватская, Фасбиндер, Бергман, Сологуб, Зигмунд Фрейд* и др.). В тексте большое количество авторских использований названий лиц и событий направлено на игру с читательским сознанием. Следующая

¹ «Помню, лет десять назад я поселился в Орехово-Зуеве. К тому времени, как я поселился, в моей комнате уже жило четверо, я стал у них пятым. Мы жили душа в душу, и ссор не было никаких. Если кто-нибудь хотел пить портвейн, он вставал и говорил: «ребята, я хочу пить портвейн». А все говорили: «Хорошо. Пей портвейн. Мы тоже будем с тобой пить портвейн». Если кого-нибудь тянуло на пиво, всех тоже тянуло на пиво» [7].

цитата мало о чем говорит читателям, не владеющим информацией о данных именах: «Они часто обменивались ксерокопиями Блаватской и Рамачараки, настоящая фамилия которого, как говорила Маняша, была Зильберштейн» (здесь и далее [13]). В Советском Союзе философское наследие Е. П. Блаватской (теософа, писательницы и путешественницы) было запрещено как несоответствующее официальной государственной идеологии, но ксерокопии трудов Блаватской распространялись в среде творческой интеллигенции. Также пользовались популярностью труды Йога Рамачараки, имя которого на самом деле было псевдонимом американского писателя Вильяма Аткинсона. Зильберштейн же — это фамилия российского литературного критика, литературоведа, искусствоведа, коллекционера, доктора искусствоведения, не имеющего ничего общего с йогой и индийской философией.

3. Фреймы-сценарии

Следующий класс — «сценарии», или «фреймы-сценарии», — объединил в себе типичные для советского времени, повторяющиеся ситуации с элементами деконструкции. Ярким примером сценария советской эпохи является участие в демонстрации («просвечивают синевя милицеских шапок и багровые кровоподтеки транспарантов» — на демонстрации 1 мая и 7 ноября). Мы видим в рассказе, как «несколько праздничных пролетариев с большим количеством идеологического оружия, огромными картонными гвоздиками и заклинаниями на специальных листах фанеры» после демонстрации распивают в уборной портвейн и дерутся. А потом забывают там транспарант с надписью «Парадигма перестройки безальтернативна!». Заметим, что это типичный пример пелевинского переворачивания реальности, профанации сакрального.

4. Метафоры и сравнительные обороты с национально-культурным фоновым компонентом

Единицы данного класса представляют для нашего исследования особый интерес, так как целевая аудитория нашего исследования — иностранцы и люди, незнакомые с советскими реалиями. Так как метафоры относятся к единицам когнитивного уровня с фоновым компонентом, объяснить их смысл выведением общего значения выражения из каждого конкретного значения слова невозможно [11]. А иностранцу изначально может быть непонятна метафорическая модель, не говоря уже

о значении, чаще базирующемся на определенной коннотации [8]. Примерами метафор из рассказа являются: «Петербург Достоевского — образ города Санкт-Петербурга, созданный в книгах знаменитого писателя; «Париж Маяковского» — в 1922—1924 гг. Маяковский совершил несколько поездок за границу, писал очерки и стихи о европейских впечатлениях, в том числе цикл стихотворений «Париж» и т. д.

5. Прецедентные тексты

В интертекстуально насыщенных рассказах Пелевина мы нашли большое количество отсылок к прецедентным текстам [16]. В данный класс входят отсылки к литературным произведениям и их авторам («А топором тебя хочу. Прямо по косичке, как у Федора Михайловича»), цитаты из художественной литературы («Но мне светила возвестили, / Что я природу создал сам...» — строки стихотворения Ф. Сологуба). Кроме того, мы расширили категорию прецедентных текстов, включив в нее: упоминания произведений классической музыки («Месса», «Реквием» и «Корсар» Дж. Верди, «Рождественская оратория» Баха); отсылки к театральным постановкам («стояли три женщины в белых кисейных платьях и белогвардейский офицер, из под приставленной ко лбу ладони взглядывавшийся в даль»; «Вера поняла, что там только что давали Чехова» [13] — имеется в виду пьеса А. П. Чехова «Три сестры»); названия фильмов («Аэлита») и картин (репродукция картины «Товарищи Киров, Ворошилов и Сталин на строительстве Беломоро-Балтийского канала»). Излюбленным приемом Пелевина является игра с надписями на одежде (которые тоже вошли в эту группу). Например, у начальника всех московских туалетов с криминальным прошлым на «заграничной майке» Вера прочла: «*What I really need is less shit from you people*». Эта перефразированная надпись, которую пишут на рабочих карточках, значках и магнитах как шутку (*What I want is more money and power and less shit from you people*), в контексте рассказа получает двоякую интерпретацию.

Изучение перечисленных групп ККЛ позволило выявить их разнообразие и предположить затрудненное понимание этих элементов как в среде иностранцев, так и русских людей, незнакомых с советскими реалиями. Мы решили проверить функционирование единиц ККЛ в переводном тексте и оценить эффективность механизмов их перевода на английский.

Проблема интерпретации и перевода единиц культурно-коннотированной лексики на английский язык

На примере анализа функций ККЛ мы убедились, что использование автором каждого соответствующего слова или сочетания вводит в текст целый пласт информации, что превращает чтение в увлекательный, но непростой процесс. Нечего и говорить о переводчике, которому необходимо не только раскрыть все смыслы, но и перевести их на другой язык. Мы познакомимся с переводом рассказа «Девятый сон Веры Павловны», выполненным Эндрю Бромфилдом (подробнее см. в [16]).

Переводчик использовал разные средства для передачи культурно-коннотированной лексики. Большинство советских реалий были переведены способом транскрипции и транслитерации. И если для слов *Perestroika*, *Tverskoy Boulevard* и интернациональных советизмов *comrade*, *general*, *pioneer*, *Communists*, *Soviet*, *USSR*, *lieutenant* достаточно обычной транскрипции, то имена собственные (*Blavatskaya*, *Ramacharaka*, *the Valkyries* и т. д.) даны без комментария и будут трудны для понимания неподготовленного читателя. Кроме того, при переводе методом транскрипции единиц разных групп ККЛ может возникнуть неоднозначность их трактовки: например, говоря о прецедентном тексте *like in Dostoyevsky*, складывается впечатление, что Достоевский — не автор, а название книги, или *Sholohov's Cossacks* — создается впечатление, что книга Шолохова называется «Казачьи».

Так как прием уподобления в переводе заключается в выборе функционального эквивалента, знакомого читателю, это помогает переводчику создать у читателя переводного текста такие же ассоциации, как у читателя текста-оригинала, например: советские реалии *Illusion cinema* (в оригинале — *ходили в «Иллюзион»*) и *fortified (port) wine* (советский портвейн), прецедентный текст *performing The Three Sisters* (у Пелевина — *давали «Трех сестер»*). Однако иногда замена исходной реалии на реалию своего языка может привести к утрате национально-исторического колорита: так, в переводе *пельменная* заменяется американским словом *diner*, а русская *гармонь* переводится стилистически нейтральным *accordion*.

Также использование неудачного приема перевода может стереть авторскую игру слов. Например, игра слов в сочетании *туалетная вода* (в буквальном значении и в значении «одеколон») была потеряна при переводе: Э. Бромфилд использует слово *toiletries* (туалетные принадлежности: мыло,

шампунь, зубная паста и т. д.), хотя существует французский термин *Eau de Toilette*, использование которого сохранило бы задумку оригинала (*Eau* — вода, *toilette* — туалет, созвучно с английским *toilet*).

Анализ исходного текста показал, что культурно-коннотированная лексика была использована не только для описания эпохи и создания фона произведения, она также обозначила определенные образы и ключевые для рассказа смыслы. В повествовании главная героиня — уборщица Вера Павловна — находится в нестабильном состоянии, незаметно для читателя пересекая границы между сном, реальностью и фантазией. Когда в конце рассказа происходит потоп и реальная Вера Павловна попадает на страницы вымышленного романа Н. Г. Чернышевского в качестве его героини, философский подтекст рассказа и идея солипсизма добавляют дополнительную трудность интерпретации текста даже для русскоговорящих читателей. Особенно потому, что у Пелевина граница между текстами разных авторов трудноуловима.

Несмотря на большое количество косвенных отсылок к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (заголовок, имя главной героини, часто повторяемая ей фраза «что делать?»), связь с романом в переводе не была бы так очевидна, если бы не удачная идея переводчика. В свой перевод Бромфилд вставил упоминание романа «Что делать?» и номер конкретной, цитируемой Пелевиным главы: *Chernyshevsky, What Is To Be Done?, Chapter XXVII*.

Так, иногда сопоставление перевода и оригинала приводит исследователей к новым открытиям. В переводе фразы: «*на каменных лицах толпящихся в маленьком кафельном холле голубым весенним светом заиграло предчувствие долгожданной свободы*», мы нашли несоответствие — «*the spring light illuminating the stony faces of the gays jostling in the small tiled entrance way brought the intimation of long-awaited freedom*» (досл.: «гомосексуалисты с каменными лицами в ожидании предстоящей свободы»). Изначально сославшись на опечатку (*guys* — разг. *ребята, люди*) или невнимательность переводчика, перепутавшего голубой весенний свет с толпящимися в холле «голубыми», мы решили проанализировать электронный корпус произведений Пелевина. На сайте автора мы обнаружили некоторые разночтения в электронных публикациях и печатной продукции. Можем предположить, что Эндрю Бромфилд использовал для перевода электронную версию текста или более позднюю редакцию рассказа, в которой значилось:

«на каменных лицах толпящихся в маленьком кафельном холле педерастов весенним светом заиграло предчувствие долгожданной свободы». Так, при анализе перевода мы натолкнулись на реалию в одной из редакций авторского текста — гомосексуалисты во времена СССР. В рассказах очевидцев того времени¹, посвященных соответствующей тематике, можно обнаружить указания на то, что общественные туалеты были одним из типичных мест для знакомства сексуальных меньшинств. Таким образом, в переводе представлены не опечатка и не неверное толкование, а интерпретация версии, с которой незнакомы обладатели русского печатного издания произведения.

Можем сделать вывод, что единицы культурно-коннотированной лексики нуждаются в корректной, вдумчивой, а иногда и творческой интерпретации. В свой перевод Э. Бромфилду удалось включить некоторую дополнительную информацию, используя приемы уподобления и перифразического перевода. Но чтобы убедиться в достоверности и ясности этого перевода на практике, мы провели опрос среди американских студентов, ознакомившихся с английской версией рассказа «Девятый сон Веры Павловны».

Результаты опроса американских читателей перевода рассказа «Девятый сон Веры Павловны»

Мы опросили американских студентов в возрасте от 20 до 23 лет, 87% из которых изучают русский язык. Однако только одна четвертая опрошенных студентов побывали в России, что уменьшает общий процент практических знаний студентов о русской и советской действительности.

Мы убедились, что переводчику в целом удалось воссоздать эпоху СССР 1980—90-х гг., так как все опрашиваемые определили время и место повествования.

Как мы и предполагали, перемещение героини Веры на страницы романа Чернышевского породило разные интерпретации финала рассказа. Один из читателей предположил, что если Вера Павловна — героиня романа Чернышевского, а рассказ Пелевина — это всего лишь сон героини о будущем в советской действительности, то события рассказа происходят в XIX в., времени написания романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

¹ «Много людей знакомились в общественных туалетах, в основном в туалете Московского вокзала» (Голубой профсоюз: геи в СССР // <http://www.sobaka.ru/oldmagazine/glavnoe/13659>; дата обращения 11.04.2020)..

Стоит упомянуть, что несмотря на то, что Бромфилд ввел в перевод главу из Н. Г. Чернышевского и название самого романа, только треть опрошенных почувствовали связь рассказа с романом. Семнадцати процентам студентов понадобилось воспользоваться дополнительной литературой, чтобы понять замысел автора, так как до этого они не были знакомы с творчеством Чернышевского: «I think I was prevented from understanding many sections of the text because I did not understand the references/parallels being made to Russian history and culture (for example, I know the title of *Что делать?* but what sort of book is it? what significance does it have historically and as a work of fiction?)»²

Рассказ показался читателям занимательным, язык перевода был понятным и грамматически правильным. Однако почти каждый из опрошенных отметил, что в тексте было большое количество непонятных для них исторических и культурных отсылок: «However, there were many references that I felt I did not really understand. In particular, the reference to Ninth Pipe-Drawing Bridge Brigade, Mayakovsky's Paris, and in general the references to Chernyshevsky (since I haven't read his book)». Большая часть единиц культурно-коннотированной лексики, переведенная способом транскрипции или транслитерации и данная без дополнительного комментария, вызвала вопросы и непонимание читателей. Так, незнание реалии *комиссионный магазин* (переведенной как *commission shop*) привело к тому, что студент интерпретировал ее как сувенирный магазин (*a souvenir shop*), потеряв при этом связь и ассоциацию с определенным периодом развития коммерции в Советском Союзе.

Несмотря на затруднения в понимании реалий, многие студенты уловили ключевую тему рассказа, определили связь с философией солипсизма, зафиксировали нестандартное повествование, совмещающее фантазию и реальность. Подробные вопросы о ключевых смыслах рассказа также выявили проблемы в переводе и интерпретации реалий: двое опрошенных не знали значения слова «солипсизм», и даже после того, как они посмотрели его значение в словаре, эпитафия не дал ни малейшей подсказки, о чем пойдет рассказ. Образ Маняши разделил аудиторию на два лагеря: 50% читателей приняли Маняшу за живого человека — подругу Веры и напарницу по работе в туалете, другая половина опрашиваемых, опираясь на идеи философии солипсизма, поняла, что Маняша — всего лишь идея, проекция Вериных мыслей и эмоций.

² Здесь и далее размещены материалы опроса студентов; авторская грамматика и пунктуация сохранены.

Так же как и реалии, ключевые смыслы рассказа оставили у читателей много вопросов: «I'm very unsure about the role of Pot Mir Soup, the tunnel, the significance of Tverskaya (aside from proximity to the Kremlin) and the Central Telegraph Building in the context of the story, etc. basically all of the images following the flood». Многим был непонятен символ потопа в конце рассказа, только для одного из всех читателей, который был в России, оказалась очевидной связь потопа и числа девять в заглавии с картиной Айвазовского.

Анализ данных опроса установил, что стереотипы о русских и русской культуре, порожденные в иностранной среде, иногда могут влиять на читательское восприятие текста. Имя и роль генерала Пот Мир Супа не были ясны для 75% опрошенных, и одним студентом была высказана идея связи имени генерала, содержащего слово «мир», с произведением Л. Н. Толстого «Война и мир». Некоторые читатели попытались отыскать ассоциации и построить аналогии с генералами разных эпох. Один из студентов предположил связать образ генерала Пот Мир Суп с Наполеоном. Возникла и другая ассоциация, которая, как нам кажется, была задумана в реальном тексте и может быть включена в комментарий к данной реалии. Речь идет об отсылке к имени Пол Пота (1925—1998) — камбоджийского политического и государственного деятеля, коммуниста и лидера «красных кхмеров», чье правление сопровождалось массовыми репрессиями и голодом.

Можем сделать вывод, что данный опрос оказался полезным для формирования комментариев нашего будущего пособия. Иногда иностранцы подсказывают ассоциации, неочевидные для русского читателя, но необходимые для полного и правильного восприятия текста.

Выводы

Изучение и классификация единиц культурно-коннотированной лексики, характеристика их функционирования в тексте, сопоставительный анализ текстов оригинала и англоязычного перевода, а также анкетирование американских читателей текста перевода подтвердили многофункциональность и важную роль единиц ККЛ в рассказе Виктора Пелевина «Девятый сон Веры Павловны». Некоторые фрагменты перевода, выполненные Э. Бромфилдом, могут быть доработаны, однако, как нам кажется, постраничные сноски и подробный словарь реалий в конце текста, разработанные с помощью филологов, историков, очевидцев событий и содержащие отсылки к авторитетным источникам информации, способны оказать неоценимую помощь для более полного восприятия текста читателем и воссоздания образа эпохи. Поэтому практической целью нашего исследования является разработка пособия для комментированного чтения текстов Виктора Пелевина, предназначенного для изучающих русский язык как иностранный среднего и продвинутого этапа (B1-B2) всех профилей обучения. Комментарий будет включать толкование каждой единицы и дополнительную информацию лингвострановедческого характера. Также комментарий может содержать различные интерпретации упомянутых в тексте событий, объяснять авторскую игру слов, раскрывать значение основных для рассказов образов и учитывать особенности, связанные с функционированием каждой единицы ККЛ в тексте. Данное пособие также может быть полезным для людей, рожденных после распада СССР, и всех любителей творчества В. Пелевина.

Список литературы

1. Антонов, А. ВНУЯЗ («внутренний язык») в творчестве Пелевина / А. Антонов // Грани. — 1995. — № 175. — С. 125—148.
2. Апресян, Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // Избранные труды. Т. 2. — М., 1995.
3. Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа / Л. Г. Бабенко. — М. ; Екатеринбург, 2004. — 464 с.
4. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании РКИ : метод. рук. / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — 4-е изд. — М. : Рус. яз., 1990. — 246 с.
5. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — М. : Междунар. отношения, 1980. — 343 с.
6. Демьяненко, В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания / В. З. Демьяненко // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. — 1981. — Т. 40, № 4. — С. 368—377.
7. Ерофеев, В. Москва — Петушки / В. Ерофеев. — М., 2006.
8. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон. — М. : УРСС Эдиториал, 2004. — 256 с.

9. Макаревич, А. В. Занимательная наркология / А. В. Макаревич. — М. : Махаон, 2005. — 159 с.
10. Маркова, Т. Н. Особый язык прозы В. Пелевина / Т. Н. Маркова // Рус. речь. — 2005. — № 1. — С. 46—51.
11. Москвин, В. П. Русская метафора. Очерк семиотической теории / В. П. Москвин. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М. : ЛЕНАНД, 2006. — 184 с.
12. Новиков, М. Что такое вечность? Это банька / М. Новиков // Коммерсант. — 1999. — № 35.
13. Пелевин, В. Девятый сон Веры Павловны. Желтая стрела / В. Пелевин. — М. : Вагриус, 1998. — С. 314—334.
14. Роднянская, И. Этот мир придуман не нами / И. Роднянская // Новый мир. — 1999. — № 9.
15. Рубинштейн, Л. Когда же придет настоящий «П»? / Л. Рубинштейн // Итоги. — 1999. — № 17.
16. Скворцова, В. В. Темпоральная функция реалий в рассказе В. Пелевина «Девятый сон Веры Павловны» и проблема ее передачи в английском переводе / В. В. Скворцова // Текст в зеркалах интерпретаций: Исследовательский семинар А. В. Уржи к конференции «50 лет научной школе Г. А. Золотовой»: сб. ст. / под ред. А. Е. Евграфова, М. Ю. Сидорова, А. В. Уржа. — М. : МАКС Пресс, 2017. — С. 251—264.
17. Сорокин, Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста / Ю. А. Сорокин. — М., 1985. — 167 с.
18. Уржа, А. В. Текстовые функции культурно-коннотированной лексики в рассказе Пелевина «СПИ» и его англоязычном переводе / А. В. Уржа, В. В. Скворцова // Мир рус. слова. — 2016. — № 3. — С. 85—96.
19. Уржа, А. В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики / А. В. Уржа. — М., 2009. — 293 с.
20. Paulsen, M. Criticizing Pelevin's Language: The Language Question in the Reception of Viktor Pelevin's Novel / M. Paulsen // *Landslide of the Norm. Language Culture in Post-Soviet Russia*. — Bergen, 2006. — P. 143—158.

Сведения об авторе

Скворцова Валерия Витальевна — соискатель степени кандидата филологических наук, кафедра русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; преподаватель русского языка, Макалестер колледж, Миннесота, США. skv.val@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 97—104.*

“VERA PAVLOVNA'S NINTH DREAM” — REALIA IN TRANSLATION AND PELEVIN'S CONCEPT OF TIME, SLEEP AND PHILOSOPHY OF SOLIPSISM

V.V. Skvortcova

*Moscow State University, Moscow, Russia,
Macalester College, Saint Paul, MN, USA.
skv.val@mail.ru*

Pelevin employs a variety of cultural references via cultural-connotative words. In this article we will examine such words and their functions in Vera Pavlovna's Ninth Dream, and will elaborate on methodological bases for composing a commentary on Pelevin's prose for foreigners who learn Russian. Our analyses of the English translation (by Andrew Bromfield) help us to examine methods of rendering the original allusions that are hard to translate, and also methods of interpreting key concepts of Pelevin's story (“time”, “sleep”, philosophy of solipsism). Using the data of our survey carried out among American students, we determined the most difficult passages in the text and the potential methods of their interpretation. We concluded that cultural-connotative words, due to their many functions, require additional explanation that will be included in our forthcoming commentary.

Keywords: *realia, cultural reference, connotation, Russian as a foreign language, translation, Pelevin.*

References

1. Antonov A. VNUJaZ (“vnutrennij jazyk”) v tvorchestve Pelevina [“Inner language” in Pelevin’s work]. *Grani* [Edges], 1995, no. 175, pp. 125-148. (In Russ.).
2. Apresjan Ju.D. Konnotacii kak chast’ pragmatiki slova (leksikograficheskij aspekt) [Connotations as part of the pragmatics of speech (lexicographical aspect)]. *Izbrannye trudy* [Selected works], vol. 2. Moscow, 1995. (In Russ.).
3. Babenko L.G. *Filologicheskij analiz teksta. Osnovy teorii, principy i aspekty analiza* [Philological text analysis. Fundamentals of the theory, principles and aspects of analysis]. Moscow, Ekaterinburg, 2004. 464 p. (In Russ.).
4. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Jazyk i kul’tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii RKI, Metodicheskoe rukovodstvo* [Language and Culture: linguistic country studies in teaching Russian as a foreign language, handbook], 4th ed. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1990. 246 p. (In Russ.).
5. Vlahov S., Florin S. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation], Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1980. 343 p. (In Russ.).
6. Demjanenko V.Z. Pragmaticheskie osnovy interpretacii vyskazyvanija [Pragmatic foundations of statement interpretation]. *Izvestija AN SSSR. Seriya literatury i iazyka* [USSR Science Academy News. Series of literature and language], 1981, vol. 40, no. 4, pp. 368-377. (In Russ.).
7. Erofeev V. *Moskva — Petushki* [Moscow — Petushki]. Moscow, 2006. (In Russ.).
8. Lakoff G., Johnson M. *Metaforj, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moscow, URSS Jeditorial Publ., 2004. 256 p. (In Russ.).
9. Makarevich A.V. *Zanimatel’naja narkologija* [Entertaining Narcology]. Moscow, Mahaon Publ., 2005. 159 p. (In Russ.).
10. Markova T.N. Osobyj jazyk prozy V. Pelevina [Special language of Pelevin’s prose]. *Russkaja rech’* [Russian Speech], 2005, no. 1, pp. 46-51. (In Russ.).
11. Moskvina V.P. *Russkaja metafora. Oчерk semioticheskoj teorii* [Russian metaphor. Essay on semiotic theory]. Moscow, LENAND Publ., 2006. 184 p. (In Russ.).
12. Novikov M. Chto takoe vechnost’? Jeto ban’ka [What is eternity? It is a bathhouse]. *Kommersant* [Kommersant], 1999, no. 35. (In Russ.).
13. Pelevin V. *Devjatyj son Very Pavlovny. Zheltaya Strela* [Vera Pavlovna’s Ninth Dream. Yellow Arrow]. Moscow, Vagrius Publ., 1998.
14. Rodnjanskaja I. Jeto mir priduman ne nami [This world is not invented by us]. *Novyj mir* [New World], 1999, no. 9. (In Russ.).
15. Rubinshtejn L. Kogda zhe pridet nastojashhij “P”? [When will the real “P” arrive?]. *Itogi* [Results], 1999, no. 17. (In Russ.).
16. Skvortcova V.V. Temporal’naja funkcija realij v rasskaze V. Pelevina “Devjatyj son Very Pavlovny” i problema ejo peredachi v anglijskom perevode [Temporal function of cultural-connotative words in Pelevin’s story “Vera Pavlovna’s Ninth Dream” and their English translation]. *Tekst v zerkalakh interpretacii: Issledovatel’skiy seminar A.V. Urzhi k konferencii “50 let nauchnoj shkole G.A. Zolotovoy”* [Text in mirrors of interpretation: A.V. Urzhi’s Research seminar for the conference “50 years of the scientific school of G.A. Zolotova”]. Moscow, MAKS Press Publ., 2017. Pp. 251-264. (In Russ.).
17. Sorokin Ju.A. *Psiholingvisticheskie aspekty izuchenija teksta* [Psycholinguistic aspects of studying text]. Moscow, 1985. 167 p. (In Russ.).
18. Urzha A.V., Skvortcova V.V. Tekstovye funkcii kul’turno-konnotirovannoj leksiki v rasskaze Pelevina “SPI” i ego anglojazychnom perevode [Text functions of cultural-connotative words in Pelevin’s story “SLEEP” and its English translation]. *Mir russkogo slova* [World of Russian word], 2016, no. 3, pp. 85-96. (In Russ.).
19. Urzha A.V. *Russkij perevodnoj hudozhestvennyj tekst s pozicij kommunikativnoj grammatiki* [Russian translated fiction text from the point of view of communicative grammar]. Moscow, 2009. 293 p. (In Russ.).
20. Paulsen M. Criticizing Pelevin’s Language: The Language Question in the Reception of Viktor Pelevin’s Novel. *Landslide of the Norm. Language Culture in Post-Soviet Russia*. Bergen, 2006. Pp. 143-158.